

Румперия. Романтика со вкусом.
Сборники об искренних чувствах

Екатерина Соловьева
Любовь со вкусом осени

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соловьева Е.

Любовь со вкусом осени / Е. Соловьева — «Эксмо»,
2026 — (Румперия. Романтика со вкусом. Сборники об искренних
чувствах)

ISBN 978-5-04-252822-4

Три рассказа о любви. Уютные атмосферные истории, которые можно читать дождливыми осенними вечерами или теплыми солнечными днями! Они мягкие и теплые, словно шерстяной плед. У рассказов вкус горячей ароматной выпечки, кофе со специями и тыквенного крем-супа. Любовь в них такая же яркая, как огненные листья на деревьях в октябре. У Эли блог про отношения и идеальная история любви – по крайней мере, так ей казалось. Но когда ее жених исчез, под угрозой оказалась не только свадьба, но и блог, и вся привычная жизнь девушки. Лина пишет статьи о свиданиях и уверена, что знает о любви почти все, но на самом деле она – ходячая катастрофа. Загадочный критик без спроса правит ее тексты, свидание идет не по плану, а один случайный незнакомец упорно не желает выходить из головы. А у молодого литературного редактора Лизы никак не получается испечь идеальную шарлотку, пока в ее жизни не появляется тот самый мужчина.. Чем закончатся эти истории, когда осень подойдет к концу? Возьмите эту книгу с собой в дорогу и погрузитесь в атмосферу осени, уюта и любви. Позвольте этим историям подарить вам легкость и вдохновение!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252822-4

© Соловьева Е., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Екатерина Соловьёва	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Екатерина Соловьева, Настя
Ненастьева, Саша Урбан
Любовь со вкусом осени**

Серия «Румперия. Романтика со вкусом. Сборники об искренних чувствах»

© Екатерина Соловьева, Настя Ненастьева, Саша Урбан, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Екатерина Соловьёва Шарлотка для двоих

Глава 1 Этот дурацкий октябрь!

– В смысле закрыто?! Да вы издеваетесь! – в сердцах выкрикиваю я в закрытую дверь. От злости еще разок топаю ногой, хотя никто этого все равно не видит.

Отворачиваюсь от безмолвной кофейни, но не решаюсь сойти с крыльца и потерять свое убежище в виде козырька надо мной. Снова идет мелкий противный дождик. Плотнее запахиваю пальто и хмурюсь. Небо словно выдавливали из тюбика с просроченной акварелью. И вот зачем я вообще сегодня вышла из дома?

Я удобней перехватываю сумку с ноутбуком, поднимаю воротник и вжимаю голову в плечи. Ненавижу эту погоду, эту слякоть и этот дурацкий дождь! Но выбора у меня нет, мне ведь нужно как-то вернуться домой.

Со вздохом мирюсь с неизбежностью, что придется возвращаться под дождем. А я, как назло, еще и зонт забыла! Мысленно ругаю себя за рассеянность и осторожно спускаюсь с крыльца. С первым же шагом я перехожу на легкий бег. Холодный дождик тут же заливается мне за шиворот, бьет по щекам и невероятно раздражает! Под ногами хлюпают нескончаемые лужи, которые я старательно перепрыгиваю, но не всегда успешно. Примерно в одном случае из трех.

– О, Степан Иванович! – кричу я, заметив знакомую фигуру. Быстро смотрю по сторонам и перебегаю через дорогу.

Когда я прячусь от дождя под навесом газетного киоска, Степан Иванович привычно ворчит и показательно отодвигается от меня на два шага. Он явно думает, что я, как пес, начну трясти головой и забрызгаю его. Приходится терпеливо ждать, когда Степан Иванович неспешно расплатится за свежий номер городской газеты из своего потрепанного кошелька, аккуратно свернет эту газету в трубочку и спрячет под пальто. Только тогда я задаю ему свой главный вопрос.

– Степан Иванович, вы не знаете, почему «Чайка» сегодня закрыта?

– Откуда ж мне знать? – фыркает он.

– Вы же все знаете, – с легкой лестью возражаю я. Пусть тут не приbedняется, такого сплетника еще поискать надо!

– Знаю, – неохотно признается он. Затем снимает очки, достает из кармана салфетку и принимается их тереть. Я мысленно считаю до десяти, чтобы не выхватить эти очки и не растоптать их.

– И-и-и? – с искусственной улыбкой тяну я. – Не поделитесь информацией? Вы же знаете, мой день никогда не будет хорошим, если я не выпью кофе в «Чайке».

Степан Иванович цепляет очки на нос, поправляет кепку и лишь после этого достаивает меня своим вниманием.

– Работать там некому, вот и закрыто.

– Постойте! – почти испуганно прошу я. «Чайка» – это сердце нашего городка, я даже не представляю своей жизни без этого места. – Но как это возможно? А Рита?

– Уехала в область твоя Рита! – недовольно ворчит Степан Иванович. – Осталась только Зоя Михайловна, но ей одной не сдюжить. Уж не семнадцать, чтобы целыми днями за стойкой стоять.

Я закусываю губу и пытаюсь обдумать эту печальную информацию. Хоть самой учиться на бариста и устраиваться в «Чайку», ей-богу! Правда, у нас и так жителей не особо много, а если меня допустят до готовки, их станет еще меньше.

– Ну ладно, – неожиданно по-доброму звучит голос Степана Ивановича. – Не раскисай ты. А то и так каждый день ходишь, словно при смерти, аж смотреть тошно.

– Мило, – кисло реагирую я на странную поддержку.

– Говорят, к Зое племянник приедет. Подменит ее в кофейне. Глядишь, и не придется закрывать.

Я пока не решила, как относиться к такой новости. Если «Чайка» откроется, это, несомненно, хорошо, но если новый бариста будет варить ужасный кофе, это настоящий конец света.

– А когда он приедет?

– Через пару дней.

– Спасибо.

Степан Иванович неопределенно машет мне рукой, а я снова выбегаю под дождь. За время, пока длился наш увлекательный диалог, он разошелся еще сильнее. Чтобы добраться до дома, мне нужно пробежать еще целую улицу. Свинцовое небо над головой давит, волосы липнут к лицу, а пальто насквозь промокло и теперь весит целую тонну!

Домой я захожу абсолютно несчастной. Зло скидываю с себя сырую одежду, стягиваю свитер и собираю волосы в хвост.

– Привет, Джек!

– Мяу!

Я наклоняюсь и ласково чешу своего любимца за ухом.

– Не скучал без меня?

– Мяу!

С улыбкой поднимаю кота на руки и иду на кухню. Накладываю целую миску еды, пока он трется о мою ногу. После этого я ставлю турку на плиту и варю кофе для себя. Едва горьковатый запах разносится по кухне, я расслабляюсь и отпускаю негативные эмоции, вызванные этим неудачным днем. Монотонно помешиваю кофе и одновременно думаю над новой рукописью.

Пару дней назад мой редактор Лина прислала мне текст одного популярного блогера по саморазвитию. Вот честное слово, я отсмотрела всего несколько глав, но чувствую, что я точно не развиваюсь, а очень даже наоборот! Что мне делать с этим текстом, пока непонятно. Отказаться я не могу, уже пообещала взять его в работу. Не люблю подводить людей, особенно с которыми у нас хорошие рабочие отношения. Вот теперь и мучаюсь.

Я наливаю кофе в свою любимую чашку, обязательно слежу, чтобы пенка покрыла поверхность почти полностью. Забираюсь в кресло прямо с ногами и включаю ноутбук. Блэк Джек почти в это же мгновение забирается ко мне на колени и сворачивается в толстый комок. Я глажу мягкую шерстку мурчащего чудовища и с унынием смотрю, как обновляется количество страниц «шедевра» королевы саморазвития, над которым мне предстоит трудиться ближайшие три недели. Обреченно вздыхаю, делаю большой глоток кофе и принимаюсь за работу.

Меня хватает всего на три часа, потом я устало закрываю крышку ноутбука и растягиваю занемевшие мышцы. Кот сбежал от меня чуть раньше, оставив один на один с рукописью Вики-Ежевики. Это не шутка, а псевдоним блогера, решившего в один день, что она теперь великий автор и психолог. Я так заработалась, что не успела заметить, как за окном совсем стемнело, а моя маленькая квартирка погрузилась в мягкий полумрак.

– Выходим из сумрака, – бормочу про себя, щелкая выключателем.

Я плетусь на кухню и грею ужин в микроволновке. Второй раз зарядил дождь: крупные капли барабанят по стеклу, превращая мир за окном в серую ширму. Стираются очертания

кирхи вдалеке и близлежащих домов. Я уже не различаю ни яркой крыши супермаркета, ни острых макушек сосен.

Неожиданно раздается голос Леонида Агутина, и я вздрагиваю. С запоздалым облегчением понимаю, что это звонит мама. Бросаюсь к столу за телефоном и нажимаю «ответить».

– Привет, ма, – бодро приветствую ее я.

– Привет, милая, как прошел твой день?

– Представляешь, «Чайку» закрыли! – докладываю я. Достая тарелку с пастой из микроволновки и сажусь за стол. – Я собственными глазами видела табличку, – вздыхаю я, накручивая длинную лапшу на вилку.

– Все будет хорошо, вот увидишь! Уверена, Зоя решит эту проблему.

– Ты сама как?

– Я-то? Хорошо! А ты, дочь, там, вообще, питаешься? Как я переживаю, ты ведь у нас совсем не кулинар.

– Ну спасибо, – фыркаю я, бросая тарелку в раковину.

– На правду не обижаются, – с легкостью добивает меня мама.

– Ма-а-м!

– Ты сегодня ужинала? – не унимается она. Слышу, как у нее на фоне что-то гремит. Видимо, кастрюли.

– Да.

– А гулять выходишь? – с волнением продолжает допрос мама. – Я места себе не нахожу! Бросила дочь одну, уехала в другой город...

– Мам, не начинай, – мягко перебиваю я. – У меня правда все хорошо. Мне уже двадцать, ты не должна со мной нянчиться. Тем более вы с дядей Игорем только две недели назад здесь были.

– Да? – нерешительно спрашивает она.

– Да, – в сотый раз повторяю я. – Я в порядке.

На самом деле это я вру, и все далеко не в порядке. Но я привыкла и точно не стану расстраивать этим маму.

– Ну хорошо.

– Все, мне нужно покормить Джека. Он такой прожорливый, просто кошмар какой-то!

– Не забудь дать ему витамины, – напоминает мама.

– Ага, пока.

– Целую.

– И я тебя.

Мама сбрасывает, и я откладываю телефон. Никогда ей не признаюсь, но мне иногда и правда бывает одиноко. Мама вышла замуж и переехала в Питер. Вроде недалеко, не больше часа от Приморска, но ведь просто так в гости не зайдешь вечером. Моя единственная подруга Аня сбежала еще два года назад. Первое время мы делали вид, что расстояние для нашей дружбы не станет помехой, но все оказалось весьма прозаично.

Так, ладно. Не время придаваться грустным мыслям, а время печь шарлотку! Рецепт я знаю наизусть, поэтому без труда собираю все необходимые ингредиенты. Яблоки, мука и сахар – что вообще в этой жизни может быть проще? Блэк Джек запрыгивает на подоконник, сдвигая банку апельсинового варенья, и призывно мяукает.

– Да прекрати! Я справлюсь.

Дожили. В меня не верит даже собственный кот!

– Я вам всем докажу, – бубню я, нарезаю антоновку.

Мне ожидаемо никто не отвечает. Я продолжаю готовить, сосредоточенно вмешивая муку. Ну все, еще пару штрихов, и ставлю шарлотку в духовку.

– Джек, засекай время, – нежно щелкаю кота по носу.

Чтобы скоротать ожидание, иду поливать цветы. Воркую над моей тигровой орхидеей, которая зацвела впервые за два года. Так увлекаюсь, что совершенно забываю про духовку. Слышу, как на кухне надывается таймер, и бегу туда. Срываю с крючка прихватки и вынимаю противень. Одну варешку надеваю не полностью и кричу, когда кожу обжигает острой болью. Бросаю противень на стол и прыгаю на месте. Джек срывается с места и уносится в другую комнату.

С огорчением смотрю на черную корочку, в которой, словно плавники акул, торчат подгоревшие яблоки. М-да, как можно испортить самый простой рецепт в мире? Дурацкая шарлотка! Ну ничего, когда-нибудь я тебя добью. Но не сегодня.

Целый час я прибираюсь на кухне и оттираю противень. Вспоминаю, что в прихожей висит сырое пальто, и иду его сушить. Затем забираюсь в кровать, мысленно проклиная осень с ее бесконечными дождями, закрытую «Чайку» и особенно подгоревшую шарлотку. А ведь сейчас всего лишь октябрь...

Едва открыв глаза на следующее утро, я понимаю: что-то не так. О нет! Только заболеть мне не хватало. Закутываюсь в плед и плетусь на кухню. Развожу порошок от простуды – он сегодня у меня на завтрак вместо кофе. Провожу небольшую ревизию. К сожалению, придется идти на рынок за лимоном и клюквой.

Я запасаясь бумажными платочками, закручиваю вокруг шеи шерстяной шарф и натягиваю на голову шапку. Выхожу из квартиры, но потом возвращаюсь и беру с собой зонт. За ночь ситуация изменилась мало. Те же огромные лужи, тот же дождь, и та же унылая реальность.

До рынка я добегаю быстро. Он у нас совсем небольшой, с мясными и рыбными рядами, где постоянно пахнет специями и свежей зеленью. Но я сворачиваю к крытым прилавкам, где торгуют антоновкой, медом и свежими овощами. Здесь же можно купить домашнее молоко в литровых банках и ватрушки с творогом, которые тают во рту. Но сегодня я пришла за клюквой и лимоном.

– Ты обещал привезти мне топинамбур и корень пастернака.

– Инга, ну не выворачивай ты мне душу! Где ж мне взять твой топинамбур? – взмахивает руками дядя Гоша. Даже его усы выглядят возмущенными и торчат во все стороны, как иголки у ежика. – На вот, возьми тыкву! Сладкая, как мед.

– Ну хоть корень пастернака мне достань! – не унимается Инга, трясая пучком с петрушкой.

– Пастернак – это грустный поэт. Что ты от меня хочешь, я просто не понимаю! – причитает дядя Гоша, картинно хватаясь за голову.

– Доброе утро, – шмыгаю я носом и кашляю в шарф, ненамеренно прерывая их диалог.

– Фи, Лиза, ты никак простудилась? – Инга спускает очки в леопардовой оправе на нос и внимательно смотрит на меня.

– Ага.

– Вот! – цокает языком она. Затем тычет в дядю Гошу петрушкой. – А это все потому, что, кроме тыквы, ты ничего нам не привозишь!

– Да как же не привожу! – оскорбляется дядя Гоша. Его лицо краснеет от негодования. Он всплескивает руками, а затем берет красный перец. – А это что? – Следующим сует Инге в нос спелый помидор. – А это?

Их спор продолжается, но я в нем не участвую. Беру в руки небольшую тыкву и кручу в руках. Уже чувствую ее пряный запах после запекания со специями. Что-то, а вот тыква у меня выходит вкусной всегда.

– Давай я тебе помогу, Лизавета, – зовет меня дядя Гоша. Он все еще не отошел от спора, но улыбается мне по-доброму. – От этой Инги разболелась моя бедная голова! Тьфу на нее и на ее топинамбур.

– Я возьму тыкву, – передаю овощ ему в руки. – А еще лимон и клюкву.

– Снова ты заболела, – причитает дядя Гоша, взвешивая тыкву и убирая ее пакет. Затем ловко выбирает несколько лимонов из желтой горки. – Ох уж эта осень.

– Это точно, – вяло поддакиваю я.

Дядя Гоша скрывается на миг за своим прилавком, а затем возвращается ко мне с увесистым пакетом.

– Вот, держи. Я тебе еще баночку меда положил. Это от меня и от души!

– Ой, ну что вы, не нужно, – вытираю нос рукавом и растроганно моргаю, прогоняя слезы.

– Это не обсуждается!

– Спасибо!

Возвращаюсь в квартиру с несколькими килограммами витаминов и усиливающейся болью в горле. Завариваю морс, кормлю Джека и проваливаюсь в полусон-полудрему. Простуда на целых три дня выбивает меня из жизни, и я пропускаю главную новость: «Чайка» снова открылась!

Глава 2

Кофе с солью и карамелью

В первый день без температуры и насморка я просыпаюсь от навязчивого звонка в дверь. Накидываю на плечи вязаную кофту, пару раз провожу расческой по волосам, чтобы придать причёске презентабельный вид, и спешу посмотреть в глазок. Кого нелегкая принесла ко мне в такую рань?

– Ну наконец-то! – взволнованно восклицает Евдокия Васильевна, отодвигая меня в сторону и залетая в квартиру. В руках у нее два ярких пакета. – Я вся извелась! Тебя ж три дня на улице не было. Ой, вот чуяло мое сердце, что-то неладное случилось.

– Да простудилась просто, – оправдываюсь я перед соседкой, закрывая дверь. – Сейчас уже чувствую себя хорошо.

– Ты, наверное, голодная! – кричит Евдокия Васильевна из кухни. – Я тебе тут борщ принесла. И пирожки.

Хочу возразить, что мне эти дни вообще ничего есть не хотелось, но это заранее проигранный вариант. Поэтому, смирившись с гиперзаботой, я иду на кухню и покорно сажусь за стол. Джек сладко дремлет на подоконнике и даже усом не ведет, пока Евдокия Васильевна по-хозяйски расставляет продукты, пересказывая мне сплетни за пропущенные в жизни общест-венности три дня.

– «Чайка» уж два дня как открылась, – говорит она, ставя передо мной тарелку с румя-ными пирожками. – Зое в ней теперь племянник помогает. Городской, из самого Питера к нам перебрался. Ты бы присмотрелась, Лиз.

– Опять вы за старое? – тяжело вздыхаю и картинно закатываю глаза.

– Так ты ж целыми днями дома сидишь! – привычно ворчит Евдокия Васильевна. – Ладно я – я-то уже жизнь прожила. А тебе замуж надо!

– Фи, – я морщусь. – Мне – не надо.

– Холодными осенними вечерами вдвоем теплее, – мягко возражает она.

Хм... возможно.

Я давно смирилась с тем, что Евдокия Васильевна является частым гостем в моем доме. Она вот уже пять лет на пенсии, но врожденная энергичность не дает ей усидеть на месте. Мы с мамой часто шутим, что в квартире напротив давно пора открыть собственное производ-ство. Евдокия Васильевна варит супы исключительно пятилитровыми кастрюлями, а пирож-ков печет по три десятка, не меньше.

– На вот, чай еще сладкий попей. – Она ставит передо мной дымящуюся кружку и дует на пальцы. – Себе я тоже налью для компании.

– Спасибо, – выдыхаю я, с удовольствием вгрызаясь в пирожок.

– Кушай, деточка, – приговаривает она, ставя рядом с тарелкой кружку сладкого чая. – А борщ погреешь на обед.

Я неразборчиво мычу в ответ.

– Ходила вчера на рынок, так там Инга опять скандалит. Вбила себе в голову, что ей нужен какой-то корсет. А где его в Приморске взять? Пусть едет в Питер и требует там свои корсеты!

Весело хмыкаю и молча киваю головой. Бедная Инга, ну никому не дает покоя в этом городе! А когда население всего несколько тысяч, то кажется, ты вообще знаешь всех жителей, вот и находишься всегда в центре событий.

Евдокия Васильевна продолжает делиться со мной впечатлениями от просмотра новой мелодрамы, а я в это время убираю со стола. Накладываю корма в миску Джека и убираю борщ в холодильник.

– Ладно, пойду я домой, у меня как раз скоро новости начнутся, – вскоре говорит Евдокия Васильевна. – Борщ обязательно поешь!

– Погрею на обед, – обещаю я, провожая ее до двери. – Спасибо!

Сегодня я правда чувствую себя хорошо, чему не могу не радоваться. А раз уж «Чайка» снова открылась, то точно нужно зайти в кофейню. Заодно там и поработаю. Надеюсь, что мой привычный мир не перевернется, а кофе там останется таким же вкусным даже с новым бариста.

Жалею о своем решении почти сразу, как ступаю на практически пустую набережную. Разумнее всего было снова остаться дома, чтобы не прятаться за воротником пальто от пронизывающего морского ветра. Но я уже устала сидеть в четырех стенах. Тем более у меня закончился хлеб. И кофе.

После болезни я все еще чувствую слабость, поэтому быстрый шаг меня утомляет. Решаю несколько минут отдохнуть и сажусь на скамейку. Ветер тут же приносит мне запах соли и холодной воды. Осень – это время, когда море особенно близко. Оно тяжело дышит и гонит к берегу свинцовые волны, за которыми я так люблю наблюдать.

Над головой проносится сумасшедшая чайка, истошно вопя. Затем эпично пикирует на буйки, где уже сидят несколько нахохлившихся птиц. Я бессознательно провожаю ее взглядом. Недалеко от них рыбачит в огромных болотниках дядя Володя, который часто бранит непослушных и громких пернатых. Помню, как он спас меня в детстве, когда я чуть не утонула. И мне за это потом еще и влетело, кстати.

Звонит телефон. Я хмыкаю, когда вижу мамину фотографию. Она словно чувствует, что я ее вспоминаю. Мы немного болтаем, мама радуется, что я справилась с простудой, и ворчит, что вся из-за меня изнервничалась.

– Да дышу я воздухом, мам, – закатываю глаза, вешая сумку на плечо и вставая со скамейки. – Вот прямо сейчас.

– Правда? – недоверчиво спрашивает мама. Отчетливо представляю, как она сейчас хмурится.

– Ага. Иду в «Чайку». Она открылась два дня назад.

– Здорово! Вот видишь, я же говорила, что все будет хорошо.

– Очень надеюсь, что новый бариста не испортит это место.

– Дай ему шанс, детка, – просит мама.

– Ладно, – хмыкаю я. – Позвоню тебе вечером, пока.

Через десять минут я оказываюсь под козырьком кофейни и смотрю, как капли стекают по вывеске. Зрелище, стоит признать, унылое. Дождь закончился ночью, но сырость прочно пропитала наш маленький город. Я почти физически чувствую, как осенняя хандра липнет ко мне с той же настойчивостью, с какой влажные волосы липнут к щекам. Я еще и мнусь на крыльце, сомневаясь, стоит ли входить. Вдруг теперь «Чайка» потеряет свою магию?

Звенит колокольчик, и меня тут же окутывает теплом кофейни. Пахнет корицей, обжаренными зернами и свежей выпечкой. За стойкой суетится новый бариста. На нем светлые джинсы, темная толстовка с огненными лисами и фартук цвета кофе, на котором золотыми нитями вышито «Матвей – бариста твой мечты». Скромненько, однако.

При звуке открывающейся двери он поворачивает голову и сверкает приветливой улыбкой. Так же ярко сверкает серебряное колечко в его брови. Справляюсь с короткой заминкой и подхожу к стойке. «Бариста моей мечты» проводит тряпочкой по столешнице и поднимает на меня взгляд.

– Добрый день! – его голос звучит громче, чем следует. Я морщусь. Он улыбается так, будто только что выиграл в лотерею, а не увидел очередную продрогшую посетительницу. – Что желаете?

Автоматически смотрю на табличку с меню, хотя знаю его наизусть, а кофе всегда беру один и тот же.

– Американо. Двести миллилитров. Без сахара.

– О, классика. – Он кивает с одобрением. Тут же хочется возразить, чисто из вредности. Но я сдерживаюсь, а Матвей продолжает: – А из зерен что предпочитаете? У нас сегодня «Эфиопия» в фильтре и бразильский бленд для эспresso.

– Без разницы.

– Понял, – он чуть склоняет голову, и его взгляд становится то ли насмешливым, то ли заинтересованным. – Значит, просто вода, прошедшая через зерна?

– Именно, – говорю я сухо.

– Будет вам американо. Исключительно горький.

Сузившимися глазами слежу, как он отходит к кофемашине. Несколько секунд гипнотизирую взглядом его спину, но потом молча иду на свое место.

Кофейня имеет форму прямоугольника, поэтому в основном столики стоят в одну линию вдоль высоких окон, правда, есть несколько в уголке за стойкой. У «Чайки» выгонное расположение – прямо на набережной, откуда открывается отличный вид на Финский залив. Я привычно занимаю самый крайний столик у окна. Тут хотя бы работает розетка, и не дует сквозняк в спину.

Снимаю пальто, включаю ноутбук и открываю файл с правками. Пока он загружается, я снова бросаю взгляд на бариста. Он кажется... неправильным для этого места: слишком быстрый, слишком улыбчивый. Он даже двигается с какой-то особой ловкостью, которая бывает у людей, привыкших быстро отдавать заказ. В «Чайке» у стойки никогда не собирается очередь, а посетители никуда не торопятся. Энергия Матвея кажется здесь инородной. И что он вообще забыл в Приморске?

Возвращаюсь к работе. На экране высвечивается: *Глава 4. Исцеление через дыхание*. Делаю глубокий вдох, как раз в духе главы, и вчитываюсь в текст. Через три минуты, которые я пытаюсь убедить себя, что слово «вайб» в литературном тексте – это не конец света, а авторский стиль, на столе появляется чашка с кофе. Американо выглядит идеальным. Темная маслянистая пенка, ровный ободок и никаких глупых рисунков.

– Ваш заказ, – говорит Матвей, приваливаясь боком к диванчику. Он явно не собирается уходить. – Пробник.

– Простите? – непонимающе хмурюсь я.

– Пробник, – повторяет с легкой улыбкой он. – Я тут новенький, отрабатываю рецептуру. Вам, например, добавил щепотку соли. Не в сам кофе, а в пенку. И капельку карамели. Поднимет настроение, обещаю.

Недовольно смотрю на чашку. Откидываюсь на спинку и враждебно складываю руки на груди.

– Я не просила соли.

– Знаю, – спокойно отвечает Матвей. – Если не понравится, я переделаю. Бесплатно. Но вы сначала попробуйте, а потом критикуйте.

На языке крутится несколько язвительных комментариев. Про то, что эксперименты с чужими заказами – это нарушение границ. Или про то, что я взрослый человек и сама решаю, нужно ли мне поднимать настроение. Но раздается звонок колокольчика, Матвей возвращается за стойку, а мои замечания остаются невысказанными.

В кофейню врывается Инга, подгоняя двух своих детей.

– Ой, наконец-то появились сиропы! – радостно восклицает она. – Матвей, свари мне лавандовый раф. Это звучит жутко экологично! А близнецы будут горячий шоколад с маршмеллоу.

Я качаю головой и беру в руки свой кофе с солью и карамелью. С подозрением кручу чашку в руках. Не люблю я эксперименты! Делаю первый глоток с опаской, мысленно готовлюсь скандалить с этим беспечным бариста. Но, к моему удивлению, пенка оказывается плотной, и соль приятно оттеняет горечь, а легкие нотки карамели едва ощутимы. Неожиданно мне нравится!

Поднимаю взгляд на Матвея, делая очередной глоток. Он отдает заказ Инге и не смотрит в мою сторону, но уголок его губ чуть подрагивает, как будто Матвей знает, что мне понравилось. Я отворачиваюсь к ноутбуку. Пишу примечание: дышать глубоко – это не исцеление, это базовая функция организма. Сократить главу в три раза.

Работа идет со скрипом, но все же идет. Спустя два часа я делаю перерыв и снова заказываю американо с солью и карамелью. На этот раз добавляю к заказу тыквенных пирожных, которые печет тетя Зоя. Она как раз только привезла свежую партию. Откладываю ноутбук в сторону, чтобы спокойно выпить кофе.

Кроме меня в «Чайке» сейчас всего несколько посетителей. Через пару столиков шумно обсуждают что-то компания студентов, завалив стол исписанными конспектами. Рядом с ними, уткнувшись в экран планшета, сидит программист Сергей. Он редко разговаривает, в основном общается жестами, но кофе любит безмерно. Мы часто целыми днями сидели с ним в «Чайке», занятые каждый своим делом, и он умудрялся выпивать по четыре чашки. За барной стойкой, забравшись на высокий неудобный стул, читает газету Степан Иванович. Он успел поспорить с Матвеем по поводу правильной обжарки зерен и теперь спокойно цедит свой двойной эспрессо.

Кажется, привычная жизнь «Чайки» возвращается.

Я немного расслабляюсь. Не люблю перемены, тяжело привыкаю к новым людям, да и в принципе общаюсь с ними исключительно по необходимости. Мне легче оставлять примечания к безмолвным текстам, чем вести бесполезный диалог с той же Ингой, к примеру.

Меня никто не дергает, и я спокойно работаю еще пару часов, расплачиваюсь и слышу дежурное «ждем вас снова» от нового бариста. Возвращаюсь домой, раздумывая над тем, как долго Матвей, привыкший к быстрому ритму большого города, сможет выдержать в нашем маленьком Приморске.

Ну что ж, начинаем обратный отсчет.

Глава 3

Варенье для души

Каждая вторая суббота в нашем городке начинается одинаково: почти все местные жители спешат на рынок за свежей рыбой. Уже к девяти утра здесь шумно и многолюдно. Я к морепродуктам отношусь равнодушно, но каждый раз топчусь в очереди ради селедки или копченой скумбрии для Евдокии Васильевны. Эх, это моя расплата за пирожки с капустой. Рыбный рынок находится в другой части города, и ей самой тяжело сюда ездить.

Снимаю шарф и прячу его в сумку, чтобы он не успел пропитаться местным ароматом коптильного дыма, рыбы и чего-то неуловимо сладковато-кислого. Я осторожно пробираюсь между мокрых прилавков, стараясь ничего не задеть и не испачкаться.

Продавцы громко перекрикиваются через ряды, под ногами скрипят мокрые доски, и я непроизвольно опускаю взгляд. На мне сегодня такие же ярко-желтые резиновые сапоги, как на большинстве местных продавцов. Осталось купить такую же телогрейку, как у них, и точно сойду тут за свою. Но вместо телогрейки я покупаю оранжевые вязаные носки у бабушки на углу. Она очень добрая, отдает носки почти даром, да к тому же пытается всунуть мне сдачу, но я не беру. Мне становится так ее жаль, что я покупаю еще и зеленые носки. Правда, они на три размера больше моего, но это неважно.

Дальше я иду знакомым маршрутом до рыбной лавки. «Скумбрия горячего копчения, запомнила? – инструктировала меня Евдокия Васильевна утром. – Чтоб глазки блестели, а шкурка золотая. И торгуйся, Лиза, торгуйся. Они там цену накручивают в два раза!»

Для меня это задание – настоящий стресс! Одна мысль о том, что нужно торговаться, вводит меня в ступор. Но я лишь вздыхаю и останавливаюсь перед прилавком, на котором горой лежат янтарно-коричневые рыбины с маслянистыми боками. Продавец, мужчина в резиновом фартуке и с усами, как у моржа, чистит ножом доску и даже не поднимает на меня головы.

Вежливо покашливаю и подаю голос:

– Здравствуйте.

– Здравствуй-здравствуй. – Он выпрямляется и закручивает усы. – Что брать будем?

– Скумбрию. Копченую. Горячего копчения, – на одном дыхании выпаливаю я.

– Вон, – он указывает ладонью в левую часть прилавка. – Триста рублей штука.

Это много или мало?! Я начинаю нервничать. Вдруг триста – это хорошая цена, а я тут торговаться надумала? Но язык мой – враг мой. Не успеваю оформить мысль в голове, слышу свой жалобный голос.

– Дорого.

Боги! Как стыдно! Я сейчас упаду в обморок. Мне резко становится душно, и я пытаюсь немного оттянуть воротник.

– Дорого? – Продавец усмехается, откладывает огромный нож в сторону и скрещивает руки на груди. – Милая моя, вы на ценник смотрели? Это копченость ручная, не магазинная. Дымком, угольком, по всем правилам.

– Отдадите за... двести? – спрашиваю я и сама пугаюсь собственной наглости.

– Двести? – возмущается продавец. – Двести – это я себе в убыток. Берите за двести пятьдесят.

Ого, да он скинул мне целый полтинник! Это что, получается, я на верном пути?

– Двести двадцать, – говорю я, поверив в себя. Но потом резко начинаю сомневаться и выдумываю на ходу. – У меня соседка, ей надо. Она это... больная.

Испуганно замолкаю, понимая, что я перегибаю. Да простит меня Евдокия Васильевна! Хочу бросить всю эту скумбрию горячего копчения и сбежать. Но почему-то ноги врастают в землю, и я молча моргаю.

Продавец задумчиво закручивает свои шикарные усы, внимательно смотрит на меня, потом на рыбу, потом снова на меня. От вранья начинает кружиться голова.

– Больная, говоришь? – В глазах мужчины мелькает насмешка. Кажется, меня раскусили. Вижу, как он прячет улыбку в усах. – Ну ладно, для больной отдам за двести тридцать.

– Идет, – с облегчением выдавливаю я из себя и лезу в сумку за кошельком. – Дайте две, пожалуйста.

Когда все самое страшное остается позади, я выхожу с рынка. Ветер с залива тут же бьет в лицо, принося с собой запах соли и водорослей. Сжимаю в руках газетный сверток, от которого исходит тепло копченой рыбы с ароматом дыма. М-да, торговля – это не мое, думаю я про себя.

Домой я возвращаюсь пешком, потому что никуда больше не спешу. Иду по набережной под оглушительные крики чаек и порывистый морской ветер. Удивленно замечаю свет в кофейне. Странно, ведь сегодня выходной, и «Чайка» должна быть закрыта.

Мне пока сложно понять нового бариста. Я ходила в кофейню три дня подряд. Заказывала кофе, садилась за любимый столик и принималась за работу над текстом. Матвей без лишних комментариев и ненужных разговоров ставил передо мной чашку. Я ценю в людях ненавязчивость. Можно сказать, своим поведением он точно заработал от меня плюсик.

Я притормаживаю напротив кофейни. Поддаюсь любопытству и беру чуть правее. Словно заправский шпион, всматриваюсь в высокие стеклянные окна, пока на улицу не выходит Матвей. Он без фартука, лишь в черном спортивном костюме и белой бейсболке, надетой козырьком назад.

Прибавляю шаг, чтобы он меня не заметил, но в этот момент Матвей поворачивается и приветливо машет рукой. Я скованно улыбаюсь и после заминки подхожу ближе.

– Привет, – встаю перед кофейней и заправляю выбившуюся прядь под шапку.

– Привет, – улыбается Матвей, засовывая руки в карманы штанов и покачиваясь с носка на пятку.

– Не знала, что вы работаете еще и в субботу, – незаметно кошусь на него, перехватывая удобней пакет со скумбрией.

– Не работаем. Просто я решил немного... оживить это местечко. Нужно мнение постоянного посетителя. – Он поворачивается ко мне и хитро щурится. – Зайдете?

– Эм... – мычу я.

– Перейдем на «ты»? – продолжает обескураживать меня Матвей своей простотой. – Мы слишком молоды, чтобы выкать.

– Ну да, – тяну я с сомнением. – Наверное.

– Ну что, идем? – Он кивает на «Чайку», а затем открывает передо мной дверь. – Прошу. Раз уж я сторговала рыбу на семьдесят рублей, мне сегодня ничего не страшно, отважно думаю я, заходя внутрь.

– Смотри. – Матвей убегает за стойку и возвращается с коробкой. – Я хочу развесить над окнами лампочки. Сейчас темнеет с каждым днем все быстрее. Подарим людям немного света?

Я пораженно смотрю на коробку с гирляндами в его руках. А ведь это действительно хорошая идея!

– Помощь нужна? – с готовностью предлагаю я, словно он уже что-то зажег у меня внутри.

– Конечно.

Я снимаю пальто и бросаю его на диванчик рядом с аккуратно сложенным клетчатым пледом. Их Матвей разложил у каждого столика, чтобы посетители могли согреться после дождливой погоды. А еще поставил стеклянную вазочку с печеньками с предсказаниями на стойке, чтобы каждый мог услышать пару добрых слов за чашкой кофе.

– Тетя выдала мне эти огоньки, но не уверен, что из этого спутанного шара получится что-то стоящее.

– Сейчас проверим! – с энтузиазмом говорю я, закатывая рукава.

Мы начинаем суетиться и придумывать, как закрепить гирлянду над окнами. Затем Матвей приносит из подсобки лестницу, а я терпеливо распутываю огоньки. Он забирается к потолку, я помогаю внизу.

– Слушай, – Матвей замирает на второй ступеньке и хмурится. – Ты не знаешь, чем здесь так странно пахнет?

Упс.

– Это скумбрия горячего копчения, – с извинениями развожу руками я.

– Понял, – весело кивает он. – И почему у вас тут скумбрия?

– По деньгам, – уклончиво отвечаю я. Второй раз за день позорной истории про то, как я торговалась за эту рыбу, мне не пережить.

– Вы же живете на берегу моря. Вам рыбу должны раздавать бесплатно, – замечает Матвей. Довольно верно, стоит признать.

– Я сторговалась на хорошую скидку, не переживай, – отмахиваюсь от его расспросов я.

Время летит быстро. Всего через полчаса мы заканчиваем нашу работу. Матвей спускается с лестницы, правда, промахивается с последней ступенькой и нелепо заваливается на пол. Я не сдерживаю смех. Матвей с моей помощью поднимается на ноги, и мы любуемся, как над высокими окнами неровной волной тянется гирлянда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.